

Михаил Петрович Старицкий

Копилка

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Стояли последние дни декабря, не снежные, не морозные, не сверкающие, а мокро-холодные, с бурным месивом снега, с грязью и пронзительным ветром, – дни, какими вообще богаты зимы южных губерний. Несмотря на позднее утро, в мрачной конуре подвального этажа было темно; свет едва пробивался через узкие у самого потолка щели и ложился мутными пятнами на заплесневевшие от сырости стены и на оклеенную афишами дверь, выхватывая из свернувшегося в углах сумрака нищенскую обстановку жилья. У стены, за железной печуркой с протянутой под потолком жестяной трубой, стояла покосившаяся деревянная кровать; на ней под байковым одеялом, прикрытым еще мужским пальто и жупаном, виднелись очертания человеческой фигуры. Под окном торчал колченогий стол; на нем, на белой стороне афиши, валялись остатки немудрого ужина – корки черного хлеба, кости тарани, две целых луковицы и три-четыре обрезка... В углу из открытого сундука выглядывал край плахты и передника, а рукав вышитой малорусской сорочки висел на полу. На стульях лежала женская одежда, детское платице, веноч с каскадом лент и какие-то лохмотья – не то белья, не то тряпок в красках... На табурете стояла миска с водой и кувшин, а на полу из-за черной керосинки выглядывал старыми бликами жестяной самовар. Вообще в этой грязной, промозглой дыре царил полный беспорядок неприкрытой нужды, незалатанной голи...

Только над кроватью, на прибитой полочке, сверкал под лучами лампы серебряной ризой образ богоматери с веткой флердоранжа да там же стояла еще хорошенькая металлическая копилочка.

Когда лампадка вспыхивала, то освещала розовым светом подушку и на ней бледное хорошенькое личико, обвитое волнами рассыпавшихся темных волос; молодая женщина прижимала что-то к груди и по временам, в полусне, прикрывала его тщательно одеялом... Но вот это нечто закашляло и слабым, пискливым голосом прошептало: "Мама!"

Спавшая женщина вздрогнула, нагнулась к крошке и, осыпая ее личико поцелуями, спросила тревожно:

- Что тебе, моя лялечка? Болит что?
- Питки! – откликнулась деточка.

Мать протянула руку, достала со стула чашку с переваренной водой и напоила дочурку.

- А не болит ли что, ляля? Ты ведь опять кашляла?

– Не! – замотала та курчавой головкой и прильнула своим худеньким тельцем к матери; последняя укрыла ее тщательней, прижала к своей груди, согрела дыханием... и дитя снова уснуло. Но мать уже не могла сомкнуть глаз... Тревога в ее сердце проснулась, наполнила ноющей тоской ее грудь, всполохнула рой темных, назойливых дум.

"Господи, когда же это терзание кончится? – подымался у нее в сердце безмолвный ропот. – И прежде с осени плохо платили, а как заехали в эту глушь, так и совсем перестали. Правда, сборы отвратительные, но чем же мы виноваты? Ой, леле! – вздохнула она тяжело. – Что же будет, если муж не принесет ничего? Уж дожили до последнего; сегодня еще святой вечер", – и на ее уставшую душу дохнуло теплом забытое, давнее... словно сон, сотканный из света и радости: кутья и узвар на сене в углу... лампы... торжественное настроение и дорогие лица, а здесь? Она окинула взглядом свою мрачную берлогу... Думала ли она дожить до такой нищеты! Какие были мечты, какой радугой улыбнулось ей утро жизни, и как скоро эта улыбка сменилась злобной тоской. Давно ли? И воображение перенесло ее в уездный, закутанный в раины садов городок... Она, только что окончившая гимназию, сирота, у дальней родственницы обучает детишек... Скука, тяжелый труд, одиночество и серый окружающий холод... Но вот заехала случайно малорусская труппа и разбудила сон захолустья... Родные образы, родные звуки захватили властно и ее молодое сердце, да к тому же нашелся в труппе, хотя и среди хористов, такой же, как и она, сирота... с чуткой душой, полный энтузиазма, любви к сцене, к искусству, к духовному возрождению родины, – и она, не зная света, откликнулась на эти порывы...

Служившая в этой труппе чахоточная актриса Дунина подружилась с ней, пригласила к себе, а там она и Павло Зорин часто встречались. Какие это были чудные минуты! Он мечтал выбиться и послужить родному искусству... Он видел и в ней талант...

- Ах! – вырвался у молодой женщины вздох; она вспомнила ужас, охвативший ее